

**Межкультурные
отношения
на постсоветском
пространстве**

Москва
2017

ББК 60.6

М43

Данная монография подготовлена по результатам проекта РНФ «Эмпирическая проверка применимости политики мультикультурализма в России в контексте мирового опыта» (№15-18-00029).

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ *М.Ю. Мартынова*;
доктор психологических наук, профессор *Т.Г. Стефаненко*

М43 Межкультурные отношения на постсоветском пространстве. Монография под ред. Н.М. Лебедевой. — М.: Изд-во «Менеджер», 2017. — 492 с.

ISBN 978-5-8346-0349-8

В монографии представлены результаты научных исследований сотрудников Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований НИУ ВШЭ по проекту Российского научного фонда «Эмпирическая проверка применимости политики мультикультурализма в России в контексте мирового опыта» (№15-18-00029). Эмпирические исследования межкультурных отношений в русле трех гипотез, предложенных Д. Берри (гипотезы мультикультурализма, контакта и интеграции), были проведены коллективом авторов в центральной России (включая Москву), на Северном Кавказе (Кабардино-Балкарская республика, республика Северная Осетия – Алания, республика Дагестан), а также в Латвии, Литве и Азербайджане. Результаты исследований показали применимость данных трех гипотез для анализа межкультурных отношений на постсоветском пространстве и высветили важную роль социокультурного контекста и межкультурной политики для гармонизации межэтнических отношений в разных странах и регионах. В заключении авторы приводят ряд практических рекомендаций, основанных на результатах научных исследований.

Книга предназначена для психологов, социологов, этнологов, органов образования и национальной политики.

ISBN 978-5-8346-0349-8

© Коллектив авторов, 2017

© Оформление. Издательство
«Менеджер», 2017

Содержание

Введение	5
Глава 1. Взаимоотношения этнических групп в поликультурных обществах. <i>Джон У. Берри</i> ...	29
Раздел I. Межкультурные отношения в центральной России	55
Глава 2. Взаимная аккультурация мигрантов и принимающего населения в центральной России. <i>Т. Рябиченко, Н. Лебедева</i>	57
Глава 3. Межгрупповые установки принимающего населения и дискриминация мигрантов в России. <i>Д. Григорьев</i>	82
Глава 4. Психологическая адаптация москвичей к культурному многообразию: опыт качественного исследования. <i>Н. Лебедева, Д. Зубова</i>	121
Раздел II. Межкультурные отношения на Северном Кавказе	155
Глава 5. Межкультурные отношения кабардинцев, балкарцев и русских в Кабардино-Балкарской Республике. <i>З. Лепшокова</i>	156
Глава 6. Межкультурные отношения в Северной Осетии — Алании. <i>В. Галяпина</i>	186
Глава 7. Межэтнические отношения в современном Дагестане. <i>В. Галяпина, З. Лепшокова</i>	212
Глава 8. Социальный капитал, стратегии межкультурного взаимодействия и психологическое благополучие этнических групп Дагестана. <i>А. Татарко</i>	240
Глава 9. Роль межкультурных и монокультурных дружеских контактов во взаимодействии народов Дагестана. <i>З. Лепшокова</i>	276

Раздел III. Межкультурные отношения в Латвии, Литве и Азербайджане	299
Глава 10. Межкультурные отношения латышей и русских в постсоветской Латвии. <i>Н. Лебедева, А. Татарко</i>	301
Глава 11. Русские в литовском контексте: проверка трех гипотез межкультурных отношений. <i>Т. Рябиченко</i>	324
Глава 12. Ценности и межкультурные установки русских Литвы. Особенности поколений. <i>Т. Рябиченко, Н. Лебедева</i>	342
Глава 13. Межкультурные отношения между азербайджанцами и русскими в постсоветском Азербайджане. <i>В. Галяпина, Н. Лебедева</i>	363
Заключение	381
Глава 14. Проверка трех гипотез межкультурного взаимодействия в России и на постсоветском пространстве: мета-анализ. <i>Н. Лебедева, А. Татарко</i>	383
Глава 15. Рекомендации по улучшению межнациональных отношений в Российской Федерации.....	413
Список литературы	425
Приложение (примеры опросников).....	464
Abstracts	480
Об авторах	490

Взаимная аккультурация мигрантов и принимающего населения в центральной России

Т. Рябиченко, Н. Лебедева

Введение

По оценкам Организации объединенных наций, 51% всех международных мигрантов проживают всего в десяти странах. На первом месте среди них в 2015 году оказались США, где живут 19 миллионов мигрантов, за ними следуют Германия и Россия, принявшие по 12 миллионов каждая (United Nations..., 2016).

Что касается неоспоримых преимуществ такого положения для России, то свидетельством его пользы является отмеченная в 2009–2012 гг. положительная динамика прироста населения России, которая обеспечивается, в основном, за счет иммиграции, в то время как естественный прирост, начавшийся только в 2013 г., является незначительным (Вишневский и др., 2015). При этом основными донорами миграции в Россию являются страны СНГ. Так, в 2013 г., миграция из этих стран составила 87,6% всего миграционного потока, а основными донорами России в течение всего предшествующего десятилетия выступали страны Средней Азии (Вишневский и др., 2015; Зайончковская и др., 2015). К следствиям происходящих в результате миграции процессов можно отнести не только наблюдаемое и, следует отметить, исторически присущее России культурное многообразие, но

и возникновение проблем, связанных с взаимной аккультурацией и адаптацией отличающихся друг от друга групп мигрантов и принимающего населения (Lebedeva, Tatarko, 2013).

Миграция в Россию

Привлекательность России для мигрантов из стран, ранее входивших в состав СССР, по большей части, обусловлена общностью истории этих стран, использованием русского языка в качестве языка межнационального общения в советский период, а также сохранявшимся до недавнего времени безвизовым режимом между Россией и большинством этих стран. В течение постсоветского периода российской истории можно выделить три основных миграционных потока (Genov, Savvidis, 2011). В первом из них, который начался непосредственно после распада СССР и образования новых независимых государств в 90-ых годах XX века, участвовали этнические русские или представители других этнических групп, для которых русский язык выступал в качестве родного. Для них миграция в Россию была возвращением на историческую родину или в страну, которую они считали своей.

С конца 90-х годов этнический состав и социальная структура потоков мигрантов стали меняться. Вторую волну миграции составили «экономические мигранты» из Украины, Молдовы и Южного Кавказа — Армении, Грузии, Азербайджана. Проведенные в Москве исследования показали, что большинство мигрантов из Грузии и Армении обладают профессиональной квалификацией. Они заняты в промышленности, торговле, транспорте, сфере услуг, систе-

ме образования и здравоохранения. И сейчас для молодых мигрантов из этих стран основной причиной миграции является поиск лучших возможностей для получения образования и трудоустройства (Poghosyan, 2011; Badurashvili, 2011). Сходная картина наблюдается для азербайджанцев, которые заняты в оптовой и розничной торговле, промышленности, строительстве, сфере услуг и на транспорте (Yunusov, 2013).

Участниками третьей волны, продолжающейся до сих пор, по большей части, являются мигранты из стран Средней Азии. Основными причинами миграции для них являются высокие уровни безработицы и низкие зарплаты в странах исхода, что особенно характерно для сельского населения. Для таких мигрантов миграция выступает в качестве стратегии достижения жизненного успеха, а принятие решения о миграции подкрепляется отмеченным ростом материального достатка тех семей, в которых уже кто-то эмигрировал. Молодые мигранты из этих стран плохо владеют русским языком, более половины из них вообще не имеют профессионального образования и не обладают профессиональными навыками, и поэтому часто воспринимаются принимающим населением как наиболее социально и культурно далекие (Миграция и демографический кризис..., 2010; Чудиновских и др., 2013; Di Bartolomeo et al., 2014). В долгосрочной перспективе многие мигранты ориентированы на возвращение в страну исхода, считая, что это станет возможным либо тогда, когда будут реализованы краткосрочные планы, касающиеся заработка в России, либо когда улучшится ситуация на их родине. С одной стороны, это снижает уровень их притязаний к существующим жизненным услови-

ям, с другой — может служить препятствием для их интеграции в российское общество (Максименкова, Сорокина, 2014).

Как вторая, так и третья волны миграции в наибольшей степени обусловлены существующим значительным разрывом в экономическом развитии стран происхождения мигрантов и России, а также высоким уровнем безработицы в выступающих донорами странах (Миграция и демографический кризис..., 2010; Genov, Savvidis, 2011; Di Bartolomeo et al., 2014). По официальной статистике, учитывающей лишь тех, кто работает, имея официальное разрешение на работу (следует отметить, что многие мигранты работают, не имея трудового договора), каждый пятый работник из СНГ в России занят неквалифицированным трудом. Учет тех, кто не имеет такого разрешения, только увеличит данное соотношение (Вишне夫斯基 и др., 2015).

Однако несмотря на необходимость для российского рынка труда в присутствии на нем трудовых мигрантов, снижение еще недавно наблюдавшихся темпов прироста населения в России, неблагоприятные изменения возрастного состава населения, установки русских в отношении миграции и мигрантов являются преимущественно негативными. Среди россиян термин «мигранты» ассоциируется в основном с мигрантами из Средней Азии и Кавказа, которые рассматриваются в качестве источника культурной угрозы и дополнительного экономического бремени (Genov, Savvidis, 2011; Зайончковская и др., 2014). Исследователями отмечается решающая роль воспринимаемой культурной и социальной дистанции в формировании негативных установок принимающего населения по отношению к мигрантам из

Средней Азии. Среди причин часто называют несоответствующие местным культурным нормам наблюдаемые модели поведения мигрантов, опасения за ухудшение эпидемиологической ситуации, криминогенной обстановки, условий на рынке труда, снижение качества образования в школах, где обучаются плохо владеющие русским языком дети мигрантов (Abashin, 2013; Зайончковская и др., 2014). В свою очередь, мигранты сталкиваются с проблемами, связанными с регистрацией, поиском жилья и легального трудоустройства, обращением за медицинской помощью, зачислением детей в школы, мошенничеством работодателей и вымогательством со стороны работников правоохранительных органов (Зайончковская и др., 2014; Максименкова, Сорокина, 2014).

По статистике, порядка 43% всех официально трудоустроенных в России мигрантов, проживают в Центральном федеральном округе России, 30% таких иммигрантов — в Москве (Di Bartolomeo et al., 2014). Этим фактом и обусловлен выбор нами данного региона для проведения исследования взаимной аккультурации мигрантов и принимающего населения в российском контексте.

Аккультурация и адаптация

Аккультурация включает в себя изменения, возникающие при продолжительном контакте представителей различных этнических групп (Redfield et al., 1936). Эти изменения касаются как самих культур вовлеченных в контакт групп, так и изменений индивидуальных паттернов поведения участников аккультурационного процесса. Джон Берри предложил рассматривать процесс аккультурации мигрантов с

точки зрения их ориентации на сохранение собственной культуры и участия в контактах с принимающим обществом. По этим двум измерениям были выделены четыре возможных стратегии: интеграция, ассимиляция, сепарация и маргинализация (Berry, 1990). С точки зрения межкультурных отношений в обществе и по своим адаптационным результатам на индивидуальном уровне наиболее успешной является интеграция, наименее успешной — маргинализация (Berry, Sabatier, 2011; Nguyen, Benet-Martínez, 2013; Ward, Kennedy, 1994). Для представителей принимающего общества (или группы большинства) выделяют соответствующие аккультурационные ожидания: мультикультурализм (интеграция), плавильный котел (ассимиляция), сегрегация (сепарация) и исключение (маргинализация). По своим адаптационным последствиям для представителей группы большинства, также как и для мигрантов, мультикультурализм (интеграция) является наиболее успешной стратегией, связанной с позитивными межкультурными установками (Berry, 1990).

Однако на характер взаимосвязи стратегий аккультурации с психологической и социокультурной адаптацией мигрантов и развитие межкультурных отношений в целом могут оказывать влияние многие факторы. Это могут быть аккультурационные ожидания группы большинства, обладающей большими ресурсами и влиянием (Geshke et al., 2010), а также совпадение или несовпадение аккультурационных ожиданий большинства и установок самих мигрантов (Bourghis et al., 1997; Pfafferott, Brown, 2006; Piontkowski et al., 2002), социально-политический контекст общества (в наибольшей степени — воспринимаемая дискриминация (Berry, Sabatier, 2010;

Jasinskaja-Lahti et al., 2003; Kus-Harbord, Ward, 2015), время проживания мигрантов в стране (Jasinskaja-Lahti et al., 2011)). Кроме того, существуют различия в том, как стратегии аккультурации связаны с видами адаптации. Например, интеграция, в большей степени, может способствовать лучшей психологической адаптации, а ассимиляция — социокультурной (Ward, Rana-Deuba, 1999), при этом, в начале аккультурационного процесса социокультурной адаптации мигрантов могут способствовать обе эти стратегии (Jasinskaja-Lahti et al., 2011). Для уточнения специфики взаимосвязей стратегий аккультурации с разными типами адаптации и выявления оптимальных условий межкультурного взаимодействия необходимы дальнейшие исследования, включающие разные культурные группы и контексты.

Эмпирическая проверка трех гипотез межкультурных отношений

Целью нашего исследования была проверка трех гипотез межкультурных отношений в Центральном Федеральном округе России. Были проверены гипотезы мультикультурализма, контакта и интеграции (Berry, 2013; Lebedeva et al., 2016).

В соответствии с гипотезой мультикультурализма, чем выше чувство безопасности личности, тем выше готовность к принятию представителей других культур. В нашем исследовании мы проверяли взаимосвязи воспринимаемой безопасности с этнической толерантностью и выраженностью мультикультурной идеологии.

В соответствии с гипотезой контакта, межкультурные контакты способствуют взаимному при-

нятию (при выполнении определенных условий, в частности, равенства). Здесь мы проверяли взаимосвязи межкультурных контактов с этнической толерантностью, стратегией интеграции и стратегией ассимиляции.

В соответствии с гипотезой интеграции, предпочтение стратегии интеграции способствует психологической и социокультурной адаптации. Были проверены взаимосвязи стратегии интеграции с самоуважением, удовлетворенностью жизнью и социокультурной адаптацией (последняя взаимосвязь проверялась только в группах мигрантов).

В дополнение к гипотезе интеграции нами были проверены взаимосвязи стратегии ассимиляции с показателями адаптации мигрантов и принимающего населения. Включение стратегии ассимиляции в проверяемые модели обусловлено тем фактом, что предыдущие исследования показали важную роль этой стратегии во взаимной адаптации мигрантов и представителей принимающего общества и, в целом, в межкультурных отношениях (Jasinskaja-Lahti et al., 2011, Kus-Harbord, Ward, 2015; Lebedeva et al., 2016).

Выборку составили представители двух групп мигрантов: одна — мигранты из стран Южного Кавказа (преимущественно представители второй волны миграции в Россию), вторая — мигранты из стран Средней Азии (представители третьей волны миграции), а также представители принимающего населения — этнические русские.

Методология

В исследовании использовался метод социально-психологического опроса. Мигранты опраши-

вались преимущественно в Москве: в отделениях УФМС, на рынках или рабочих местах, в общественных организациях мигрантов, на рабочих местах и в университетах. Участие в исследовании было добровольным и анонимным.

В опросе приняли участие 227 мигрантов из Средней Азии (из них — 123 узбека и 104 таджика), 274 мигранта из стран Южного Кавказа (179 армян, 48 азербайджанцев и 47 грузин). Также были опрошены представители принимающего населения (русские) — всего 261 респондент. Характеристики выборки представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Характеристики выборки

Группа	N	Пол				Возраст			
		мужчины	%	женщины	%	Min	Max	M	SD
Мигранты из Средней Азии	227	143	63.0	84	37.0	19	66	31.55	8.70
Мигранты с Южного Кавказа	274	120	43.8	154	56.2	17	74	34.39	12.36
Русские	261	130	49.8	131	50.2	18	69	36.28	14.87
Всего	762	393	51.6	369	48.4	17	74	34.19	12.51

Примечание. Min — минимум, Max — максимум, M — среднее, SD — стандартное отклонение.

Шкалы

В исследовании использовались шкалы из русской версии опросника MIRIPS (проект «Mutual

Intercultural Relations in Plural Societies», оригинальная версия опросника находится на сайте <http://www.victoria.ac.nz/cact/research/mirips>), переведенного и адаптированного для использования в России (Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009). Для опроса таджиков и узбеков опросник был переведен на таджикский и узбекский языки и адаптирован нашим коллегой Ж. Хожиевым.

Ответы респондентов варьировались от 1 до 5, где «1» соответствовал ответ «абсолютно не согласен», «5» — «абсолютно согласен». Используемые шкалы:

Воспринимаемая безопасность. Шкала включала пять вопросов, касающихся восприятия угрозы (или безопасности) в различных областях жизни: культуре — «Мы должны принять меры для защиты наших культурных традиций от влияния извне» (обратный), экономике — «Высокий уровень безработицы — серьезная причина для беспокойства» (обратный), безопасности жизни в целом — «Сегодня шансы человека прожить более безопасную жизнь выше, чем когда-либо прежде».

Межкультурные контакты. Для оценки уровня межкультурных контактов вычислялось среднее по двум вопросам. Первый вопрос: «Сколько у вас близких друзей — русских?» для мигрантов, «Сколько у вас близких друзей — представителей другой национальности?» для русских. Здесь ответы оценивались от 1 до 5, где «1» соответствовал ответ «ни одного», «5» — «много». Второй вопрос: «Как часто вы встречаетесь с близкими друзьями — русскими?» для мигрантов, «Как часто вы встречаетесь с близкими друзьями другой национальности?» для русских. «1» соответствовал ответ «никогда», «5» — «каждый день».

Этническая толерантность. Шкала включала в себя три вопроса и измеряла степень принятия представителей групп, имеющих культурные отличия от собственной. Например, «Если работодатели хотят принимать на работу только людей определенной национальности — это их дело» (обратный).

Мультикультурная идеология. В шкалу были включены четыре вопроса, измеряющие степень принятия культурного многообразия и мультикультурализма. Например, «Общество, в котором существуют многообразные этнические и культурные группы, более способно к решению новых, постоянно возникающих проблем».

Стратегии аккультурации: интеграция и ассимиляция. Каждая шкала включала в себя по четыре вопроса. Например, для стратегии интеграции использовались вопросы «Для меня важно владеть в совершенстве и русским, и родным языками» для мигрантов, «Для мигрантов важно владеть и русским, и родным языками» для русских. Соответственно, для стратегии ассимиляции использовались вопросы: «Для меня важнее владеть в совершенстве русским языком, чем родным» для мигрантов, «Для мигрантов важнее владеть в совершенстве русским языком, чем родным» для русских.

Удовлетворенность жизнью (Diener et al., 1985). Использовались четыре вопроса. Например, «У меня есть все, что мне необходимо в жизни».

Самоуважение (Rosenberg, 1965). Были использованы четыре вопроса. Например, «Я могу многое делать так же хорошо, как и большинство других людей».

Социокультурная адаптация (SCA-R — Revised Sociocultural Adaptation Scale, шкала использовалась

только для групп мигрантов) (Wilson, 2013). Шкала включала десять вопросов. Респондентам предлагалось отметить, в какой мере они испытывают в России трудности в различных областях жизни, таких как: «установление и поддержание отношений с людьми», «понимание и владение местным языком», «выражение своих идей принятым в местной культуре способом». Все вопросы шкалы обратные.

Демографические переменные: пол, возраст, этническая принадлежность, продолжительность пребывания в России (для мигрантов).

Обработка данных

При проверке гипотез использовался метод моделирования структурными уравнениями (Kline, 1998). В приложении SPSS AMOS 20 (Arbuckle, 2011) были построены три путевые модели, по отдельности для двух групп мигрантов (из Средней Азии и Южного Кавказа) и группы русских. Сравнение средних по шкалам в трех исследуемых группах проводилось при помощи многомерного дисперсионного анализа (MANOVA).

Результаты

Сначала мы сравнили длительность пребывания в России в двух исследуемых группах мигрантов. Средняя продолжительность пребывания мигрантов с Южного Кавказа оказалась равной 11.92 года ($SD = 6.78$). Средняя продолжительность пребывания мигрантов из Средней Азии составила 5.70 года ($SD = 4.99$), что ниже, чем для мигрантов с Южного Кавказа. При этом большинство мигрантов из второй группы (62.9%) проживают в России не более пяти лет, многие — не более 3 лет (39.9%).

Результаты сравнения средних в трех группах и α -Кронбаха для использованных в исследовании шкал приведены в таблице 2.

Таблица 2

Средние, стандартные отклонения и α -Кронбаха для групп мигрантов с Южного Кавказа, Средней Азии и группы русских

Шкалы	Мигранты с Южного Кавказа			Мигранты из Средней Азии			Русские			F (2, 759)
	M	SD	α	M	SD	α	M	SD	α	
Безопасность	3.14 ^a	0.80	0.50	4.07 ^b	0.74	0.61	3.50 ^c	0.70	0.58	96.04***
Контакты	3.55 ^a	1.15	0.82	3.05 ^b	1.05	0.70	2.30 ^c	1.25	0.91	79.08***
Толерантность	3.02 ^a	1.17	0.63	3.29 ^b	1.08	0.52	3.03 ^a	1.07	0.69	4.60**
Мультикультурная идеология	4.03 ^a	0.76	0.63	4.15 ^b	0.73	0.63	3.78 ^a	0.76	0.64	15.33***
Интеграция	4.40 ^a	0.72	0.71	4.39 ^a	0.74	0.65	3.91 ^b	0.73	0.68	38.57***
Ассимиляция	1.79 ^a	0.74	0.58	2.01 ^b	0.96	0.70	2.09 ^b	0.75	0.70	9.62***
Удовлетворенность жизнью	3.09 ^a	0.92	0.86	3.35 ^b	1.01	0.74	3.26 ^b	0.79	0.81	8.14***
Самоуважение	4.13 ^a	0.59	0.60	4.36 ^a	0.70	0.76	4.14 ^b	0.52	0.71	11.18***
Социокультурная адаптация	4.17 ^a	0.62	0.81	2.44 ^b	1.07	0.94	-	-	-	508.37***

Примечания: M — среднее, SD — стандартное отклонение. Различия между группами проверялись при помощи MANOVA и попарных сравнений при помощи критерия достоверно значимой разности Тьюки (Tukey's HSD). Значения в строках с различающимися индексами статистически значимо различаются ($p < .05$). F — F-критерий Фишера. ** — $p < .01$, *** — $p < .001$.

Как видно из представленной таблицы, в наименьшей безопасности себя ощущают мигранты с Южного Кавказа, в то время как уровень участия в межкультурных контактах в этой группе оказался

самым высоким. Не обнаружено значимых различий между русскими и мигрантами с Южного Кавказа в уровне этнической толерантности и выраженности мультикультурной идеологии. Мигранты из Средней Азии демонстрируют чуть более высокие показатели по этим двум параметрам.

Что касается стратегий аккультурации, то из представленных в Таблице 2 результатов видно, что наиболее предпочитаемой во всех трех группах является стратегия интеграции. Во всех группах получены низкие значения по шкале ассимиляции, однако мигранты из Средней Азии демонстрируют более высокий уровень ориентации на ассимиляцию, чем мигранты с Кавказа. Если сравнивать эти две группы по показателям адаптации, то можно видеть, что мигранты с Южного Кавказа более социально адаптированы, в то время как уровень удовлетворенности жизнью выше у мигрантов из Средней Азии.

Результаты путевого анализа

Далее нами были проверены три гипотезы межкультурных отношений в Центральном федеральном округе в двух группах мигрантов и в группе большинства.

Мигранты

Путевая модель, построенная для группы мигрантов из Южного Кавказа, показана на рисунке 1. Характеристики путевой модели указывают на ее хорошее соответствие эмпирическим данным: $\chi^2/df = 1.66$; $RMSEA = .05$; $CFI = .96$; $PCLOSE = .46$ (Hu, Bentler, 1999).

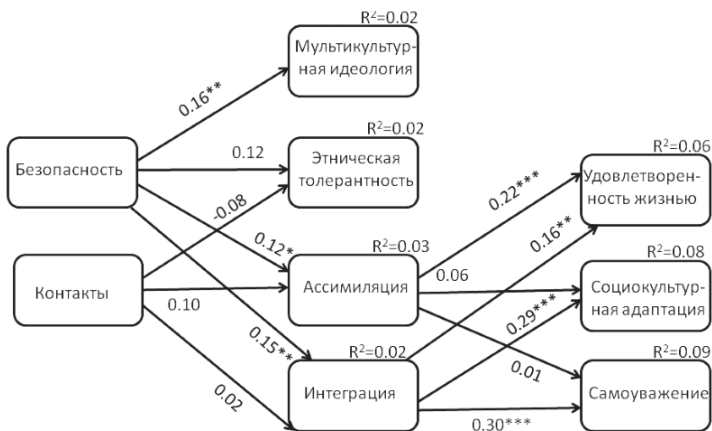

Рис. 1. Путьевая модель для группы мигрантов с Южного Кавказа.

Примечание. Показаны стандартизированные коэффициенты регрессионных связей; * — $p < .05$; ** — $p < .01$; *** — $p < .001$; R^2 — коэффициент детерминации.

Рассмотрим результаты, полученные при проверке данной модели.

Гипотеза мультикультурализма. Уровень воспринимаемой безопасности оказался позитивно взаимосвязанным с мультикультурной идеологией ($\beta = .16$, $p < .01$) и стратегией интеграции ($\beta = .12$, $p < .05$). Кроме того, была обнаружена позитивная взаимосвязь воспринимаемой безопасности и стратегии ассимиляции ($\beta = .12$, $p < .05$). Взаимосвязи воспринимаемой безопасности и этнической толерантности обнаружено не было.

Гипотеза контакта. Статистически значимых взаимосвязей межкультурных контактов со стратегиями аккультурации и этнической толерантностью в данной группе мигрантов мы не обнаружили.

Гипотеза интеграции. Были обнаружены позитивные взаимосвязи стратегии интеграции со всеми показателями адаптации: социокультурной ($\beta = .29$,

$p < .001$) и психологической: самоуважением ($\beta = .30$, $p < .001$) и удовлетворенностью жизнью ($\beta = .16$, $p < .01$).

Также в данной группе мигрантов была обнаружена позитивная взаимосвязь стратегии ассимиляции с удовлетворенностью жизнью ($\beta = .22$, $p < .001$).

Кроме того, были обнаружены значимые корреляционные связи между мультикультурной идеологией и стратегией интеграции ($r = .34$, $p < .001$), мультикультурной идеологией и стратегией ассимиляции ($r = -.25$, $p < .01$), стратегией интеграции и стратегией ассимиляции ($r = -.25$, $p < .001$).

Далее для проверки трех гипотез межкультурных отношений нами была построена путевая модель для группы мигрантов из Средней Азии. Модель приведена на рис. 2. Характеристики модели также соответствуют требованиям, предъявляемым к моделям при структурном моделировании: $\chi^2/df = 2.12$, $RMSEA = .07$, $CFI = .93$, $PCLOSE = .19$ (Hu, Bentler, 1999).

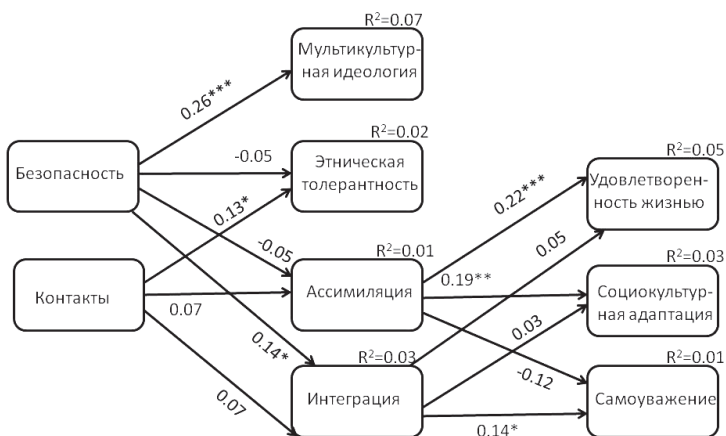

Рис. 2. Путевая модель для группы мигрантов из Средней Азии.

Примечание. Показаны стандартизированные коэффициенты регрессионных связей; * — $p < .05$; ** — $p < .01$; *** — $p < .001$; R² — коэффициент детерминации.

Рассмотрим результаты, полученные в модели для группы мигрантов из Средней Азии.

Гипотеза мультикультурализма. Также, как и в группе мигрантов с Южного Кавказа, уровень воспринимаемой безопасности позитивно взаимосвязан с мультикультурной идеологией ($\beta = .26, p < .01$) и стратегией интеграции ($\beta = .14, p < .05$). Статистически значимой взаимосвязи воспринимаемой безопасности с этнической толерантностью и стратегией ассимиляции обнаружено не было.

Гипотеза контакта. Межкультурные контакты в группе мигрантов из Средней Азии оказались позитивно взаимосвязанными с уровнем этнической толерантности ($\beta = .13, p < .05$). Однако, так же, как и в первой группе мигрантов, межкультурные контакты с мультикультурной идеологией не взаимосвязаны.

Гипотеза интеграции. Стратегия интеграции в группе мигрантов из Средней Азии позитивно взаимосвязана с самоуважением ($\beta = .14, p < .05$). С другими показателями адаптации значимых взаимосвязей не найдено.

Для стратегии ассимиляции найдены позитивные взаимосвязи с удовлетворенностью жизнью ($\beta = .22, p < .001$) и социокультурной адаптацией ($\beta = .19, p < .01$).

В данной группе также найдены значимые корреляционные связи между мультикультурной идеологией и стратегией интеграции ($r = .13, p < .05$), мультикультурной идеологией и стратегией ассимиляции ($r = .29, p < .01$), мультикультурной идеологией и самоуважением ($r = .23, p < .001$), стратегией интеграции и стратегией ассимиляции ($r = -.18, p < .05$), воспринимаемой безопасностью и удовлетворенностью жизнью ($r = .16, p < .01$).

Результаты путевого анализа для двух групп мигрантов приведены в таблице 3.

**Стандартизированные коэффициенты
регрессионных связей для групп мигрантов
с Южного Кавказа / Средней Азии**

Предикторы	Мульти-культурная идеология	Толерантность	Интеграция	Ассимиляция	Социокультурная адаптация	Самоуважение	Удовлетворенность жизнью
Безопасность	.16** / .26***	.12 / -.05	.15** / .14*	.12* / -.05/	-	-	
Контакты	-	-.08 / .13*	.02 / .07	.10 / .07	-	-	-
Интеграция	-	-	-		.29*** / .03	.30*** / .14*	.16** / .05
Ассимиляция	-	-	-	-	.06 / .19**	.01 / -.12/	.22*** / .22***
R ²	.02/.07	.02/.02	.02/.03	.03/.01	.08/.03	.09/.04	.06/.05

Примечание. * $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$. R² — коэффициент детерминации. Результаты для группы мигрантов из Средней Азии приведены после знака «/».

Русское большинство

Далее нами была проверена модель в группе большинства — русских. Результаты проверки трех гипотез межкультурных отношений показаны на рис. 3 и приведены в таблице 4. Характеристики путевой модели указывают на ее хорошее соответствие эмпирическим данным: $\chi^2/df = 1.46$; $RMSEA = .04$; $CFI = .98$; $PCLOSE = .54$ (Hu, Bentler, 1999).

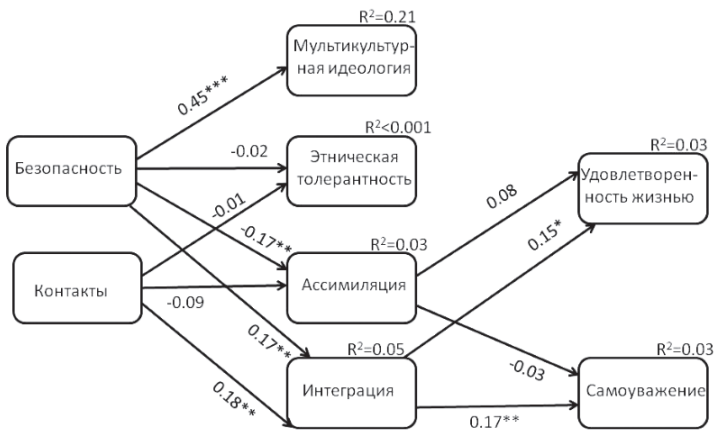

Рис. 3. Путевая модель для группы русских

Примечание. Показаны стандартизированные коэффициенты регрессионных связей; * — $p < .05$; ** — $p < .01$; *** — $p < .001$; R^2 — коэффициент детерминации.

Таблица 4

**Стандартизированные коэффициенты
регрессионных связей для группы русского большинства**

Предикторы	Мультикультурная идеология	Толерантность	Интеграция	Ассимиляция	Самоуважение	Удовлетворенность жизнью
Безопасность	.45***	-.02	.17**	-.17**	-	
Контакты	-	-.01	.18**	-.09	-	-
Интеграция	-	-	-		.17**	.15*
Ассимиляция	-	-	-	-	-.03	.08
R ²	.21	< .001	.05	.03	.03	.03

Примечание. * $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$.
R² — коэффициент детерминации.

Гипотеза мультикультурализма. Результаты показывают, что в группе большинства воспринимаемая безопасность позитивно взаимосвязана с мультикультурной идеологией ($\beta = .45$, $p < .001$), в то же время взаимосвязи безопасности с этнической толерантностью не обнаружено. Кроме того, были обнаружены взаимосвязи воспринимаемой безопасности с аккультурационными ожиданиями русских: позитивная — с интеграцией ($\beta = .17$, $p < .01$) и негативная — с ассимиляцией ($\beta = -.17$, $p < .01$).

Гипотеза контакта. Межкультурные контакты позитивно взаимосвязаны с интеграцией ($\beta = .18$, $p < .01$), но не связаны с этнической толерантностью в этой группе.

Гипотеза интеграции. Для аккультурационного ожидания интеграции найдены позитивные взаимосвязи с обоими показателями психологической адаптации: удовлетворенностью жизнью ($\beta = .15$, $p < .05$) и самоуважением ($\beta = .17$, $p < .01$).

Для ассимиляции статистически значимых взаимосвязей с показателями психологической адаптации русских не обнаружено.

Найдены значимые корреляционные связи между мультикультурной идеологией и этнической толерантностью ($r = .18, p < .01$), мультикультурной идеологией и интеграцией ($r = .35, p < .001$), мультикультурной идеологией и ассимиляцией ($r = -.34, p < .001$).

Обсуждение результатов и выводы

Участниками нашего исследования были представители русского принимающего населения и двух групп мигрантов из разных регионов: Южного Кавказа и Средней Азии. Несмотря на существующие культурные различия между представителями этих групп, а также различия во времени проживания в России и уровне социокультурной адаптации, нами были обнаружены некоторые сходства в паттернах аккультурации как большинства и меньшинства, так и обеих групп мигрантов. В частности, результаты исследования выявили реципрокный характер аккультурационных установок русских и мигрантов. Было обнаружено, что во всех трех группах преобладающей является ориентация на интеграцию, а не на ассимиляцию. Схожие результаты были получены ранее в исследованиях в России (Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009; Lebedeva et al., 2016) и многих других странах (см., например, Berry, Sabatier, 2011). В свою очередь, интеграция способствует самоуважению всех участников исследования.

К числу сходств можно отнести и тот факт, что во всех трех группах воспринимаемая безопасность

оказалась предиктором мультикультурной идеологии (для этнической толерантности подобного не обнаружено) и стратегии интеграции. Можно сделать вывод, что *гипотеза мультикультурализма* частично подтвердилась. Данный результат свидетельствует о важности воспринимаемой безопасности (культурной, экономической, физической) для позитивного развития межкультурных отношений.

Также были обнаружены и групповые различия. Так, для воспринимаемой безопасности в группе мигрантов с Южного Кавказа была обнаружена позитивная взаимосвязь со стратегией ассимиляции, в то время как в группе русских эта связь имеет противоположный знак.

Гипотеза контакта подтвердилась частично в группе русских и мигрантов из Средней Азии, но не нашла подтверждения в группе мигрантов с Южного Кавказа. Объяснением может служить то, что мигранты с Кавказа, длительное время проживая в стране, являются хорошо адаптированными, поэтому наличие близких друзей среди русских и частые контакты с ними являются вполне естественным фактом, не сказываясь ни на их стратегиях аккультурации, ни на уровне этнической толерантности, который достаточно высок.

Гипотеза интеграции полностью подтвердилась в группах русских и мигрантов с Южного Кавказа и частично — в группе мигрантов из Средней Азии. В группе мигрантов из Средней Азии, большинство из которых приехали в Россию недавно, с социокультурной адаптацией оказалась позитивно взаимосвязана стратегия ассимиляции. Сходные результаты для ассимиляции на начальных периодах аккультурационного процесса мигрантов были получены и в исследованиях в других странах (Jasinskaja-Lahti et al., 2011). Однако в полной мере преимущества страте-

гии интеграции могут быть достигнуты тогда, когда мигранты в достаточной степени будут обладать необходимыми для адаптации навыками (уровнем образования, знанием русского языка, профессиональными навыками). Но, как показывают исследования, для участников последней волны миграции в Россию эти условия не всегда выполняются (Миграция и демографический кризис..., 2010; Di Bartolomeo et al., 2014), особенно в первые годы жизни в России.

Стратегия ассимиляции в обеих группах мигрантов позитивно взаимосвязана с удовлетворенностью жизнью. Мы предполагаем, что данный результат может быть объяснен тем, что мигрантами стратегия ассимиляции может восприниматься как одна из возможностей снижения воспринимаемых культурных и социальных различий, а также избегания отрицательных установок со стороны принимающего населения. В то же время взаимосвязи ассимиляции с удовлетворенностью жизнью в группе русского большинства мы не обнаружили. В группе русских только ориентация на интеграцию обеспечивает хорошую психологическую адаптацию, о чем говорят обнаруженные позитивные взаимосвязи интеграции с самоуважением и удовлетворенностью жизнью.

В группе мигрантов из Средней Азии уровень удовлетворенности жизнью оказался самым высоким. В то же время только в этой группе обнаружена позитивная корреляционная связь воспринимаемой безопасности с удовлетворенностью жизнью. Мы считаем, что объяснением может служить ориентация представителей данной группы на кратковременную перспективу при аккультурации в России, выявленная в предыдущих исследованиях (Максименкова, Сорокина, 2014), относительно низкий статус и социальная уязвимость представителей группы.

В то же время только в этой группе обнаружена позитивная корреляция мультикультурной идеологии и самоуважения. Данный результат соответствует результатам проведенного в Нидерландах исследования в группах мигрантов из Турции и Марокко, социальный статус которых в государстве является очень низким, и представители этих групп в наибольшей степени подвергаются дискриминации и социальному отторжению (Verkuuyten, 2009). Различия в стратегиях интеграции и ассимиляции обусловлены различными ориентациями на сохранение культуры своей этнической группы. В нашем исследовании только для стратегии интеграции были обнаружены позитивные взаимосвязи с самоуважением во всех группах. Это позволяет говорить о том, что ориентация на сохранение собственной культуры может способствовать повышению самоуважения всех участников аккультурационного процесса.

Обобщенные результаты проверки трех гипотез межкультурных отношений представлены в таблице 5.

Таблица 5

Результаты проверки трех гипотез межкультурных отношений в Центральном федеральном округе России

Группы/ Гипотезы	Мигранты с Южного Кавказа	Мигранты из Средней Азии	Русское большинство
Гипотеза мультикульту- рализма	Подтвердилась частично	Подтвердилась частично	Подтвердилась частично
Гипотеза контакта	Не подтвердилась	Подтвердилась частично	Подтвердилась частично
Гипотеза интеграции	Подтвердилась полностью	Подтвердилась частично	Подтвердилась полностью

К основным ограничениям нашего исследования можно отнести использование нерепрезентативных и небольших выборок. Однако, несмотря на это, исследование позволило получить новые и интересные данные о сходствах и различиях в установках групп в процессе взаимной аккультурации. Мы можем видеть, что принимающее большинство демонстрирует готовность к принятию инокультурных мигрантов и не требует от них отказа от собственной культуры в процессе их адаптации. Это — свидетельство благоприятной атмосферы для межкультурного взаимодействия, сложившейся в центральной России и прежде всего в Москве. Результаты показывают, что только интеграция дает всем участникам межкультурного взаимодействия ощущение психологического благополучия, прежде всего — самоуважения. Это опровергает частые мифы и стереотипы о ксенофобии и негативных установках россиян и прежде всего москвичей по отношению к инокультурным мигрантам. Как показывают исследования, это не совсем так, а чаще всего, совсем не так. Более того, установки принимающего населения предоставляют мигрантам замечательную возможность для сохранения своей этнической культуры, что может и должно быть использовано при разработке социальных программ адаптации мигрантов в России.

